

[Hvorostovsky: A Singer Like None Other - The Boston Musical Intelligencer \(classical-scene.com\)](http://classical-scene.com)

The Boston Musical Intelligencer

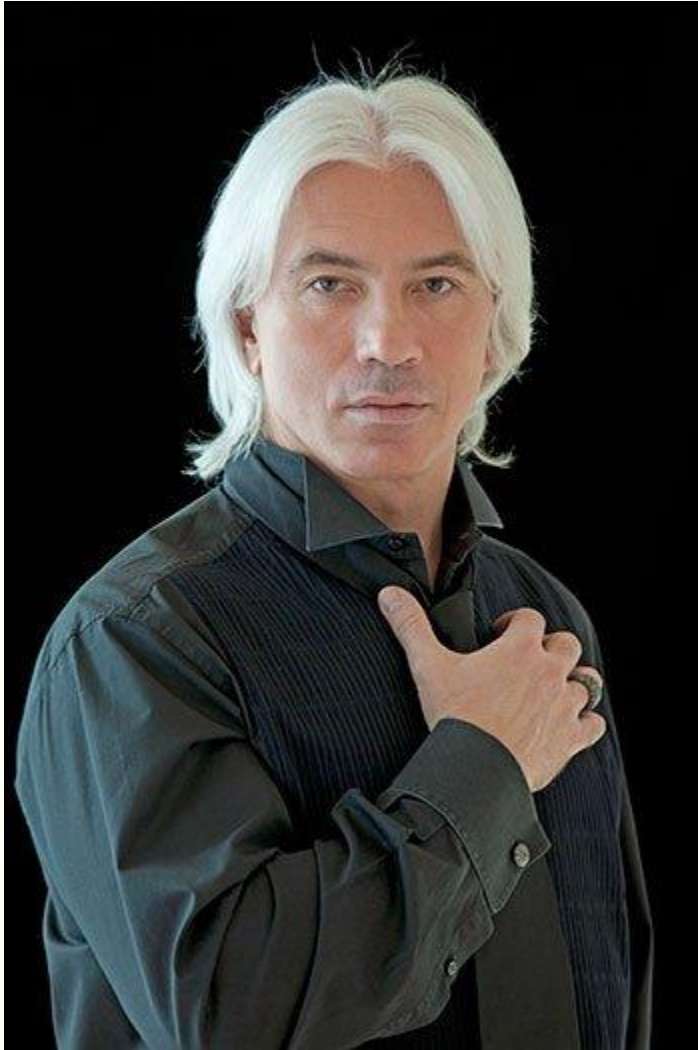
a virtual journal and essential blog of the classical music scene in greater Boston

MAY 30, 2014

IN: **REVIEWS**

Hvorostovsky: A Singer Like None Other

by **LEE EISEMAN**

The People's Great Artist ambled onto the Jordan Hall stage yesterday in a modern frock coat with exaggerated lapels sporting sparkling jet ornaments. The familiar organ facade

was illuminated with unfamiliar red floodlights. His silver locks shining, the leonine personage leaned against the piano, crossed his legs, arched his back and flashed a 1000-watt smile. Before a sound had emanated we were in the thrall of a Lisztian mania inducer of Jaggerian swagger and a Jolsonian need for adulation. And yes, the Celebrity Series in the last event of its brilliant season, even provided a fine, named pianist.

Upon seeing Jordan Hall (again) Dmitri Hvorostovsky told his handlers, "Is small; I will shake the rafters." And so he did. What an instrument! —we heard more than two octaves of the most burnished and powerful baritone we ever encountered, in a staggering demonstration of personality, acting, musicianship, and means of vocal production that would best any Soviet 5-year plan. In song after song, Hvorostovsky poured forth shining fountains of tone. His *mezzo-voce* was more forceful than most singers' *forte*. At first we had to adjust expectations: it was not going to be the usual fussy lieder recital wherein the singer's technical struggles masqueraded for those of the character depicted. Indeed, we heard monumental singing which effaced our memories of all local baritones. Low notes resonated in our chests as well as his, and high notes (up to Gs) simply were an order of magnitude more exciting than anyone else's.

There were bursts of applause after each of the 20 songs and two encores. And each time, after immersing himself in the theatrical depression of a Russian master, Hvorostovsky stepped out of character to beam those perfect teeth and mane. We didn't mind one whit; we came not only for his generous musicianship but also for his oversized personality.

The evening comprised three sets of songs—nearly every one a monument to the tragic Russian soul, and nearly every one a demonstration of the artist's complete dynamic and vocal range. The Tchaikovsky grouping began with "Na son gryadushi" (At Bedtime); ostensibly a lullaby, this soulful, dramatic outpouring lulled no one to sleep. Hvorostovsky was intensely artistic and musical in each song, but the wistfulness, nostalgia and tearfulness were of manlier mien than one normally encounters. In "Frenzied Nights," evoking insanity and insomnia, there was no holding back. (Never did he hold anything in reserve, in fact.) "The Nightingale" ended on the longest sustained note we have ever heard sung, and this on the word *zacherpnut*, in liquid, almost Italianate Russian. In "I Bless You Forests," he took the final three stanzas literally, and did as Tolstoy instructed: *O! If only I could embrace you all / Enemies, friends and brothers, and all nature / And enfold all nature in my arms.*

Four songs by Medtner finally allowed pianist Ivori Ilja to emerge. Throughout the evening, Ilja provided the power required to support the singer's enormous voice, but beginning in "Gone Are My Desires," Medtner's interesting keyboard writing, rippling runs evoking winter winds and so forth, gave the piano license to be noticed.

After intermission, Hvorostovsky's expressive face, mobile physiognomy, and clarion calls reflected his complete engagement with text and character in 11 well-chosen Rachmaninoff songs. In "Don't Believe My Friend," in the lines, *and now the waves are running back with roaring*, we heard one of the finer instruments of any kind ever to give voice in Jordan Hall.

The purpose of the last set in any celebrity recital is, of course, to set up the encores. Hvorostovsky's full operatic scope appeared for the first time in Iago's "Credo" from

Verdi's *Otello*. Listen [here](#) to this unforgettable personification of evil, albeit without the visceral involvement of live presence. The night ended with another signature piece, the Neapolitan song "Passione" by Ernesto Tagliaferri: online it's [here](#) with last night's pianist. What a voice. What a personality. What power and ease. Altogether, Dmitri Hvorostovsky seduced by command rather than caress, yet what glorious command. It's a pity there appeared to be none of Boston's better-known singers in the audience. But we can understand why.

Lee Eiseman is publisher of the *Intelligencer*.

3 Comments

1. Wonderful review except for the unexpected ending, "It's a pity there appeared to be none of Boston's singers in the audience. But we can understand why."

I am not sure why the critic felt the need to make such a statement. The fact is that many Boston singers, including I, a baritone who greatly appreciates Hvorostovsky, were in the audience, and even if there were no Boston singers in the audience, I would not make an unjustifiable statement such as "But we can understand why."

Comment by [Bulent Guneralp](#) — May 31, 2014 at 11:01 am

2. Bulent-

I meant that closing as a light touch- but it's also true than I saw no singer I recognized in the audience. This is in contrast, say, to a Russell Sherman concert where dozens of Boston's identifiable pianists typically attend.

I added "well-known" as a qualification.

And thanks for your kind words

Comment by Lee Eiseman — May 31, 2014 at 11:35 am

3. So fun to relive this exceptional concert through this delightful review! And if we are only allowed our Medtner ration via a song recital, so be it. Each one a show stopper.

Comment by Rob Schmieder — June 3, 2014 at 11:49 am

30 МАЯ, 2014

РЕЦЕНЗИИ

Хворостовский: Певец, не похожий ни на кого другого

[Ли ЭЙСМАН](#)

Вчера неторопливой царственной походкой льва великий артист в новом фраке со сверкающим узором на завышенных лацканах вышел на сцену Джордан Холла. Знакомый орган освещался непривычными красными софитами. Положив руку на

рояль и выгнув спину, лев с блестящей серебристой гривой озарил зал своей 100-ваттной улыбкой. Ещё до первых звуков его голоса мы оказались заражены листоманией*, дерзким джаггеровским** драйвом с джолсоновской*** потребностью в преклонении. Да, цикл «Знаменитости» на последнем концерте своего яркого сезона представил ещё и прекрасного пианиста с именем.

Обведа взглядом Джордан Холл, Дмитрий Хворостовский сказал своим сопровождавшим: "Маловат; я снесу крышу". Что он и сделал. Какой инструмент! - мы слышали более двух октав самого блестящего и мощного баритона, который мы когда-либо встречали, ошеломляющую демонстрацию личности, актёрского мастерства, музыкальности и средств вокального производства, превосходящих любой советский пятилетний план. Песня за песней Хворостовский обрушивал сверкающие фонтаны красок. Его mezzo-voce было более мощным, чем forte большинства певцов. С самого начала нам пришлось скорректировать наши ожидания: это был не обычный суетливый сольный концерт, когда технические проблемы певца маскируются под проблемы изображаемого персонажа. Действительно, мы услышали монументальное пение, которое стёрло наши воспоминания обо всех местных баритонах. Низкие ноты резонировали в нашей груди так же, как и у него, а высокие ноты (до Соль) были просто на порядок более захватывающими, чем у кого-либо другого.

После каждой из 20 песен и двух бисов зал взрывался аплодисментами. И каждый раз, погрузившись в театральную депрессию русского мастера, Хворостовский выходил из образа, демонстрируя свои идеальные зубы и гриву. Мы не возражали ни на йоту; мы пришли не только ради его роскошной музыкальности, но и ради его необыкновенной личности.

Программа вечер состояла из трёх частей — почти каждая из них напоминала о трагизме русского духа, и почти каждая демонстрировала полный динамический и вокальный диапазон артиста. Романсы Чайковского начинались с "На сон грядущий"; по названию колыбельная, эта проникновенная, драматическая исповедь никого не убаюкивала. Хворостовский был очень артистичен и музыкален в каждом произведении, но в печали, ностальгии и сентиментальности было более мужественности, чем обычно. В романсе "Ночи безумные", описывающем ночное сумасшествие, он не сдерживался. (Он, действительно, никогда не экономил себя.) "Соловей" закончился на самой длинной устойчивой ноте, которую мы когда-либо слышали в исполнении, и это на слове "зачерпнуть", на плавном, почти итальянском русском языке. В романсе "Благословляю вас, леса" он воспринял три последние строфы буквально и сделал так, как велел Толстой: "О, если б мог в мои объятья/Я вас, враги, друзья и братья,/И всю природу, и всю природу/В мои объятья заключить!.."

Четыре романса Метнера наконец-то позволили пианисту Ивари Илие выйти из тени. На протяжении всего вечера Илия обеспечивал мощь, необходимую для поддержки огромного голоса певца, но, начиная с романса «Я пережил свои желанья», интересный клавишный почерк Метнера, пульсирующие пробежки,

напоминающие зимние ветра и так далее, дали фортепиано возможность быть замеченным.

После антракта выразительное лицо Хворостовского, его подвижная мимика и громкие восклицания отражали его полную вовлеченность в текст и характер 11 хорошо подобранных песен Рахманинова. В романсе "Не верь мне, друг", в строках, «И уж бегут с обратным шумом волны» мы услышали один из лучших инструментов любого рода, когда-либо звучавших в Джордан Холле.

Цель последних номеров любого сольного концерта знаменитостей, конечно же, в том, чтобы исполнителя вызвали на бис. Полный оперный масштаб Хворостовского проявился уже в "Кредо" Яго из "Отелло" Верди. Послушайте здесь это незабываемое олицетворение зла, пусть и в записи. Вечер завершился ещё одним фирменным произведением - неаполитанской песней "Passione" Эрнесто Тальяфери (её можно прослушать онлайн в записи со вчерашнего вечера). Какой голос. Какая индивидуальность. Какая мощь и легкость. В целом, Дмитрий Хворостовский покорила скорее силой, чем нежностью, но какая восхитительная сила. Жаль, что в зале не было никого из известных певцов Бостона. И можно понять, почему.

3 Комментария:

Замечательный отзыв, за исключением неожиданного финала: "Жаль, что в зале не было никого из бостонских певцов. Но мы можем понять почему."

Я не уверен, почему критик почувствовал необходимость сделать такое заявление. Дело в том, что многие бостонские певцы, в том числе я, баритон, который очень ценит Хворостовского, были в зале, и даже если бы в зале не было бостонских певцов, я бы не стал делать необоснованного заявления типа "Но мы можем понять почему". (Бюлент Гунеральп - 31 мая 2014)

Бюлент, я имел в виду, что в конце было осторожное допущение, но также правда, что в зале я не увидел ни одного знакомого певца. Это контрастирует, скажем, с концертом Рассела Шермана, который обычно посещают десятки известных пианистов Бостона. Я добавил "хорошо известный" в качестве уточнения. И спасибо за ваши добрые слова. (Ли Эйсман — 31 мая 2014)

Так приятно заново пережить этот исключительный концерт с помощью этого восхитительного обзора! И если нам разрешат наш рацион Метнера только через сольный концерт, так тому и быть. Каждый из них - гвоздь программы. (Роб Шмидер — 3 июня 2014)

***Листомания**, или лихорадка Листа (термин Генриха Гейне) - фанатская истерия, безумные поступки, массовое помешательство, экстаз, вызванные внешностью и исполнением венгерского композитора и пианиста-виртуоза эпохи XIX века Ференца Листа.

** Британский рок-музыкант **вокалист** рок-группы [The Rolling Stones](#) Мик Джаггер создал на сцене уникальный образ. Его голос, временами грубый, временами женственный, необычная манера жестов и движения на концертах перед многотысячной толпой, агрессия, энергичность, и вместе с тем, дурашливость и кривляние сделало Джаггера одним из самых популярных рок-фронтменов.

*** Эл Джолсон - американский эстрадный певец и киноактёр первой половины XX века, обладавший даром установить психологический контакт с любой аудиторией. Его лозунгом была фраза: «Вы ещё даже ничего не слышали!»